



Лама на день рождения

— Ме-е-е... ме-е-е... ме-ме-ме-е-е...

Эйнштейн открыл один глаз. В узкое окошко конюшни пробивались первые лучи восходящего солнца.

— Ме-е-ми-ми-ми-ми...

Эйнштейн вздохнул:

— Ох, Петрушка! Сейчас же только семь часов утра! Дай мне ещё немножко поспать, а?

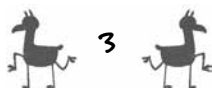
Но тут прямо у его уха раздалось пение, больше похожее на треск или скрип:

— Вот целый год опять прошё-о-о-ол!

И день рожденья твой наста-а-ал!

Тебя всех дольше знаю ЛА-А-АМ,

И всё мы делим попоЛА-А-АМ!



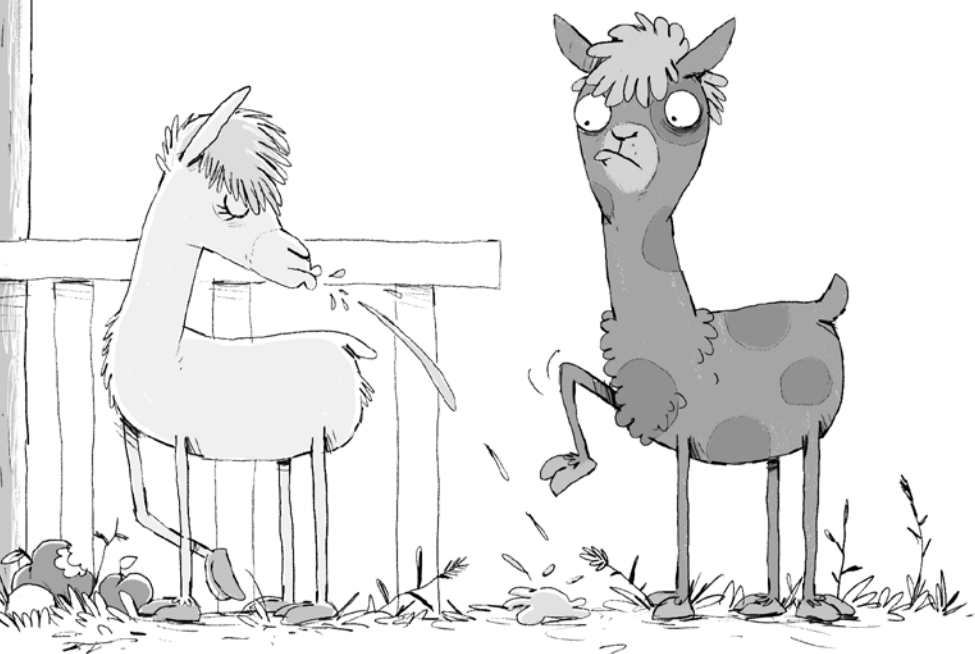


Эйнштейн заморгал, пытаясь стряхнуть с себя сон. Прямо над ним нависло белоснежное пушистое создание. Два больших тёмных глаза с длинными ресницами выжидательно на него смотрели.

— Ну? Что скажешь насчёт деньрожденской песни-каЛАМбура? Я её сама сочинила! — гордо воскликнула Петрушка.

— Я... кхм... предпочёл бы услышать её чуть попозже, — пробормотал Эйнштейн, всё ещё до конца не проснувшись.

Однако уже в следующую секунду остатки сна словно ветром сдуло: на землю прямо возле его передней ноги шлёпнулся смачный плевок.



— Фу! — завопил Эйнштейн и резко подскочил на все четыре копыта.

— Ты хоть представляешь себе, как трудно было её сочинить?! Там ведь даже строчки рифмуются! — возмутилась Петрушка. — А ты совсем-совсем этого не ценишь! Только и знаешь, что брюзжать и придираться. И это в свой-то день рождения!

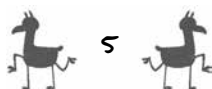
Последние слова утонули в оглушительном всхлипе.

Эйнштейн ни капельки не сомневался, что подруга плачет не взаправду, а лишь разыгрывает драму, но всё равно почувствовал, как совесть уколола его прямо в мягкий круглый живот, покрытый шелковистой шёрсткой — коричневой в крапинку.

— Прости, Петрушка. Конечно, мне очень нравится твоя песня. Очень-преочень! Там ведь даже строчки рифмуются. Ну почти. — Эйнштейн хорошенько отряхнулся. — Я просто не до конца проснулся, вот и ворчал. А теперь проснулся как следует и ужасно рад.

— Честно? — Петрушка вздохнула.

— Честно-пречестно, — подтвердил Эйнштейн. — Мы же снова друзья, правда?



— Ладно уж, друзья, — смягчилась белоснежная лама.

Вообще-то правильное сказать «альпака», а не «лама». Она была немного меньше и изящнее Эйнштейна, а её шёрстка — гуще и длиннее. Но семья Зонненшайн — хозяева Петрушки и Эйнштейна — для простоты называли обоих ламами. Да и сама Петрушка обычно не вдавалась в такие тонкости и лишь изредка вспоминала о том, что она альпака, — тогда, когда ей хотелось похвастаться белоснежной шерстью и подчеркнуть, какая она важная дама.

В этот момент дверь скрипнула и раздался звонкий детский голос:

— Смотрите-ка, они уже проснулись!

— Привет, Лилли, — обрадовалась Петрушка. — И Финни тоже тут!

На конюшню вошла девочка со светлыми волосами, собранными в хвостик, а следом за ней — её старшая сестра с рыжими кудряшками.

— Доброе утро, — промямлил Эйнштейн.

Девочки засмеялись и обернулись к родителям.

— Мне кажется, что ламы нас понимают, — радостно сказала Финни, старшая дочка Лизы и Кнута Зонненшайнов.



Семья Зонненшайн состояла из четырёх человек, и все они вместе с животными проживали в небольшой старой усадьбе, которая носила название «Эрленбах».

— Ну и ну! — Петрушка топнула левой передней ногой. — Неужели до них до сих пор не дошло?

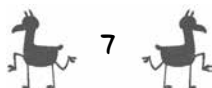
Покачивая головой, Петрушка выглянула за ворота стойла. Ламы любили это семейство, но для Петрушки оставалось загадкой, почему Зонненшайны никак не могут признать очевидного: лама значительно превосходит человека в развитии! Судите сами: ламы-то ведь запросто понимают всё, о чём говорят люди. А наоборот? Фигушки! Ну и кто тут умнее?

— Брось, Петрушка. Наши хозяева необучаемы. Зато они очень милые и всячески нас балуют, — заметил Эйнштейн.

Возможно, Зонненшайны всё же немного понимали ламский язык, потому что Лилли и Финни в тот же момент как по команде вытащили из карманов какие-то продолговатые штучки.

— Батончики мюсли, — обрадовалась Петрушка. — Так много — и всё мне-е-е!

— Вот ещё. У кого сегодня день рождения? У меня. Так что оба батончика мои, — возразил Эйнштейн.



Петрушка широко распахнула глаза и чуть не задохнулась от возмущения!

— Да как же это, как же!..

Эйнштейн не смог удержаться и прыснул со смеху.

— Вечно ты дразнишься! — проворчала Петрушка.

Однако всерьёз огорчиться она не успела, ведь Финни тут же протянула ей один батончик. Второй Лилли скормила Эйнштейну.

В следующие две минуты в домике лам воцарилась тишина, которую нарушало лишь уютное чавканье.

— А у нас для вас сюрприз, — наконец сказала Финни.

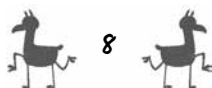
Она оглянулась на родителей. Лиза и Кнут улыбались.

— Что ж, давайте его сюда. Я люблю деньрожденские сюрпризы, — пробормотал Эйнштейн.

— У вас появится новый сосед! — выпалила Лилли. Её сестра кивнула. — Мама с папой купили ещё одну ламу, сегодня после обеда мы поедем её забирать. Теперь вас будет трое!

Эйнштейн чуть не подавился последним кусочком батончика.

— Чего? — закашлялся он.



У Петрушки от неожиданности изо рта даже выпало несколько зёрнышек.

— Как это? — взвизгнула она. — Почему это?

— Мы ждём не дождёмся, — сияла улыбкой Лилли. — А вы? Вы ведь тоже?

— Не-е-е-е-е-ет! — заверещала белая лама.

Эйнштейн недовольно пробурчал себе под нос что-то неразборчивое.

— Слышите? Они тоже ждут не дождутся! — обрадовалась Лилли.

Петрушка с Эйнштейном переглянулись.

— Ты была права. Они и правда понятия не имеют, о чём мы говорим, — вздохнул Эйнштейн.

— Мама, а раз у нас теперь три ламы, к нам и гостей будет приезжать больше, чтобы с ними гулять, да? — спросила Лилли.

Мама, высокая, с русыми волосами, кивнула.

Папа девочек, Кнут, служил в полиции — следил за тем, чтобы в городке соблюдались законы и царил порядок. А Лиза работала прямо здесь, в усадьбе: устраивала прогулки и небольшие походы для любителей животных — как для взрослых, так и для детей. Вместе они бродили по окрестным лесам и полям с ламами в поводу. После таких прогулок все без



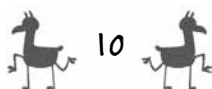
исключения возвращались с широкими улыбками на лицах и уезжали домой в прекрасном настроении. Чудесные и грациозные ламы завораживали всех. Никто не мог остаться равнодушным к кроткому взгляду их глаз, обрамлённых длинными ресницами, и к нежной шелковистой шёрстке.

Петрушке с Эйнштейном эти прогулки тоже нравились. Прежде всего потому, что вдоль дорог и тропинок росли вкусная трава, сочный клевер и мать-и-мачеха. А в конце прогулок их всегда много гладили и угощали мелко нарезанной морковкой.

И всем этим они теперь должны делиться с какой-то чужой, незнакомой ламой?!

— По-моему, для прогулок нам совершенно не нужен третий лишний... — хмуро заметила Петрушка.

— Я тоже не знаю, с чего вдруг нашим хозяевам взбрело в голову завести ещё одну ламу, — вздохнул Эйнштейн. — Из-за этого новенького всё перевернётся с ног на голову. Что, если он будет просыпаться и будить нас ни свет ни заря или, хуже того... — Эйнштейн задумался, что ещё может помешать привычному течению его жизни. — Болтать без умолку?



— Наверняка этот новенький окажется дурачком, — заключила его подруга-лама. — Я совершенно не желаю его тут видеть!

Эйнштейн встряхнул чёлкой цвета карамели:

— Боюсь, у нас нет выбора. Ты же слышала, что сказала наша семья: через пару часов они привезут эту ламу.

— Даже словечком с ней не обмолвлюсь. Или с ним. Ещё и плюну! — пригрозила Петрушка.

— Ну ладно тебе, давай подождём. Может, этот новичок не такой уж и ужасный. Вдруг он будет даже милым, — попытался умиротворить подругу Эйнштейн, однако та лишь молча повернулась к нему задом и сердито насупилась.

Тяжело вздохнув, Эйнштейн плюхнулся в мягкую солому.

Раз уж Петрушка всё равно с ним не разговаривает, можно и поспать. А то ведь неизвестно, что будет, когда тут появится ещё одна лама. Наверняка шум, гам и бестолковая суета.

Эйнштейн закрыл глаза. Да уж, не так он представлял себе свой день рождения!



Новенький по имени Чубчик

Пару часов спустя ламы спокойно паслись в загоне перед конюшней, как вдруг послышался глухой звук двигателя.

Эйнштейн вскинул голову.

— Должно быть, это везут новенького! — воскликнул он.

Петрушка даже ухом не повела.

— Мне совершенно наплевать, — ответила она, но, когда Эйнштейн отвернулся, подкралась к забору и вытянула шею.

И действительно: в этот самый момент из-за поворота показалась машина Зонненшайнов, которая тянула за собой большой прицеп. Спустя пару



секунд машина остановилась прямо возле вольера с ламами. Двери автомобиля распахнулись, и из них выскочили Финни и Лилли.

— Это мы! — воскликнула Финни.

Следом из машины вышли и родители.

— Помогите-ка мне опустить рампу, — попросил остальных папа.

Из прицепа доносился то громкий топот, то глухое постукивание, как будто кто-то нетерпеливо перебирал копытцами.

— Тихо, малыш, тихо, — приятным низким голосом успокоил кого-то внутри Кнут.

Как опытный полицейский, он умел быстро всех умиротворить и быстро наводил порядок. Своими сильными руками Кнут отпер засов на задней двери прицепа-фургончика. Затем он встал слева от прицепа, а Лиза Зонненшайн — справа. Они вместе взялись за рампу и осторожно опустили её так, что она коснулась земли.

— Ну что, дружок, пора выходить.

С этими словами Кнут скрылся внутри фургончика.

Лилли и Финни прямо-таки подпрыгивали от нетерпения. Шея Петрушки тоже вытягивалась всё сильнее и маячила всё выше над ограждением.

— И всё-таки тебе не наплевать, — укоризненно заметил Эйнштейн.

— Ещё как наплевать! — крикнула его подруга-лама.

— А вот и нет!

— А вот и да!

— А вот и нет!

Но прежде чем они успели разругаться в пух и прах, из тесного фургончика высунулась чья-то пушистая попа. Друзья резко умолкли. Ещё несколько шагов, и на белый свет целиком показался совершенно чёрный — от кончиков ушей до копыт — лама. Теперь он стоял посреди двора и растерянно щурился от яркого дневного света.

— Ну и причёска, — прошептала Петрушка.

И действительно, их новый сосед по конюшне выглядел, мягко говоря, забавно. Волосы у него на макушке стояли торчком, образуя то ли шапочку, то ли чуб, а на затылке завивались в довольно длинные чёрные локоны.

Лилли подбежала к ограде загона.

— Это Чубчик, — крикнула она, показывая на новенького.

— Его так называли из-за причёски, — добавила Финни, наматывая на палец прядь рыжих волос. —



Вообще-то такая стрижка, когда спереди коротко, а сзади длинно, называется «маллёт», но кличка «Чубчик» этой ламе как-то больше подходит.

— Мы бы и сами догадались, мы же не глупые, — проворчал Эйнштейн, недоверчиво разглядывая новенького.

А тот вдруг одним скачком рванул навстречу им с Петрушкой и вмиг оказался рядом.

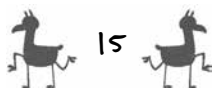
— Приветики-пистолетики! — радостно завопил Чубчик и от избытка тёплых чувств с разбега боднул головой озадаченного Эйнштейна. — Хозяева сказали, что тут я найду новых друзей. Целых двоих! Наверное, это вы?

От восторга он даже исполнил какой-то танец наподобие чечётки.

Глаза Петрушки округлились и стали огромными, как два блюдца. Обычно эта дерзкая лама за словом в шерсть не лезла, но тут даже она не нашлась что ответить. Эйнштейн же просто изумлённо разинул рот.

Впрочем, Чубчика молчание ничуть не смутило, и он продолжил бодро болтать дальше:

— Я так обрадовался, что встречу вас! Там, откуда я приехал, других лам, кроме меня, не водилось.



Были, впрочем, собаки и осёл. Очень славные ребята, но теперь...

Тут он глубоко вздохнул и широко улыбнулся Эйнштейну с Петрушкой.

— Теперь я наконец-то среди своих. Это же супер-пупер, да ведь?

Не успела Петрушка опомниться, как Чубчик чмокнул её прямо в мягкую пушистую щёку.

«Ой-ой-ой, — подумал Эйнштейн, — вот это ты зря! Петрушка не на шутку разозлится!»

Он уже представил себе, как под ноги Чубчику сейчас плюхнется комок слюней.



Точно! Петрушка уже скривилась и вот-вот плюнет! Но, к удивлению Эйнштейна, белая дама-лама улыбнулась.

— Привет, Чубчик. Я — Петрушка. А это, — она махнула головой в сторону друга, — Эйнштейн. Порой кажется, что он немного не в духе. Но не обращай внимания, вообще-то он славный.

— Что-что? — задохнулся от возмущения Эйнштейн. — «Порой немного не в духе»? И это говорит главная вредина во всей усадьбе?

— Ты кого это называл врединою, а? А ты... А ты... Занудный лама — всем ламам антирекЛАМА! — огрызнулась Петрушка. Она грозно нависла над Эйнштейном.

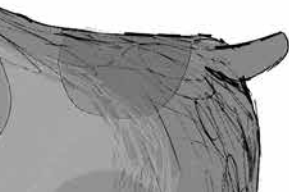
Тут раздался смех.

— Суперме-е-е-ега! Вы такие весёлые, — восхищённо воскликнул Чубчик.

Он прильнул щекой сначала к щеке Петрушки, а потом — к щеке Эйнштейна.

— Я так счастлив! У меня ещё никогда не было настоящих друзей.

У Петрушки перехватило дыхание. Они с Эйнштейном переглянулись над головой Чубчика. У них просто не оставалось выбора, кроме как полюбить этого тёмненького ламу всей душой.



— Значит, с этого момента мы будем твоими друзьями, — решительно заявила Петрушка, а Эйнштейн кивнул.

— Правда? — счастливо проблеял Чубчик. — Ух ты! Это просто класс, это... — Тут он на секунду умолк и собрался снова облизывать обеих лам.

— Стоп, — энергично запротестовал Эйнштейн. — В дружбе должны быть правила. Правило номер один: никаких поцелуев!

— Ясно, — откликнулся Чубчик. — А правило номер два какое?

— Ну-у-у... э-э-э... Вообще-то правило только одно, — решил Эйнштейн.

— Договорились! — обрадовался Чубчик.

Он молниеносно облизал своим длинным языком мордочки Петрушки и Эйнштейна, огляделся по сторонам и спросил:

— А где тут можно перекусить?

Эйнштейн незаметно вытер свой мокрый от поцелуя нос о деревянную ограду.

Петрушка покосилась на него с усмешкой:

— Правила дружбы, говоришь. Ну-ну!

— Он ещё очень юн. Потом всему научится, — оправдывался Эйнштейн. Он не хотел признавать,